

ДОКУМЕНТИ

Едмунд Баумвальд

Свидетель гибели львовских евреев

Катастрофа українських євреїв, особливо Західної України, — історична подія, що з самого початку стала об'єктом цілеспрямованої фальсифікації, яка супроводжувалася знищенням матеріальних свідчень, неправдивою інтерпретацією та замовчуванням письмових джерел.

Не дивлячись на те, що за останні десятиріччя з'явився ряд нових публікацій, що розкривають тему ШОА на Україні, не втрачає актуальності введення в науковий обіг нових документів: особистих заяв, стенограм спогадів з архівів України.

Пропонуємо археографічно опрацьований матеріал — запис спогадів Е. Баумвальда, корінного львів'янина, котрий пережив Катастрофу у 1941–1944 рр.

Документ є новим, невідомим і ще не введеним у науковий обіг.

The Catastrophe of Ukrainian Jewry, especially west-Ukrainian, is a historic event, which has, since the very beginning, become an object to falsifications followed by extermination of material sites, false interpretation and/or ignorance of written records.

Notwithstanding the fact that in the recent years there appeared a number of new publications on Shoah in Ukraine, one cannot underestimate the importance of unveiling and usage of new documents: personal statements, memoirs, witnesses' recordings etc. from the archives of Ukraine.

We offer to your kind attention a new and yet unused document — recording of the remembrings of E. Baumwald, a native Lviv resident, who lived the Catastrophe in 1941–1944.

Катастрофа українських євреїв, особливо Західної України — історичне подія, ставше з самого початку об'єктом цілеспрямованої фальсифікації, супроводжувалося знищенням матеріальних свідчень, іскаженієм, замалчіванієм письмєнных істочніков. Началο положіли націстє, сжигая трупы, перемалывая несгорєвшіє кості на території Яновського лагєря во Львовє, продолжіли, вплоть до 1991-го, офіціалньє історікы, прєвратів убієнных євреєв в безлікую массу советскіх граждєдан. Начіная с 1945 г. такіє докумєнты, в том числє и воспомінанія євреєв Восточной Галіціи, собірєли, а с началє 90-х годєв публиковєли на стрєніцєх журналєх «Karta» сотруднікы Еврєйского історіческого інстїтута в Польшє.

Несмотря на то что за последние десятилетия появился ряд новых публикаций по истории Украины, региональной истории, в которых раскрывается тема ШОА¹, не снимается вопрос актуальности введения в научный оборот новых документов: собственноручных заявлений, стенограмм воспоминаний, хранящихся в архивах Украины. Такие материалы являются базовыми для исследователей. Среди них первое место занимает свидетельство очевидцев из числа местных жителей, спасшихся в 1941–1944 гг. Оригиналы таких документов, следует заметить весьма немногочисленные, хранятся в ЦГАВО Украины², в ЦГАОО Украины³.

В Украине в виде научной публикации пока вышли в свет воспоминания львовского раввина Д. Кахане⁴, во Львове изданы первые воспоминания украинца Евгения Наконечного⁵ «ШОА» во Львове». Автор, коренной львовянин, подростком пережил гибель своих еврейских друзей, соседей. В книге не только воспоминания очевидца 1941–1944 гг., но и раздумья, рефлексии зрелого, образованного человека, с болью переживающего как забвение, так и конъюнктурную политическую, этнонациональную интерпретацию тех трагических событий.

Предлагаем археографически обработанный один из неизвестных, не введенных в научный оборот документов — запись воспоминаний Э. Баумвальда, коренного львовянина, пережившего Катастрофу в 1941–1944 гг.

Стенограмма записи воспоминаний входит в массив фонда 166 «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии Наук УССР» Центрального государственного архива общественных организаций Украины.

«Комиссия» создана по решению ЦК КП(б)У в октябре 1943 года при Отделе пропаганды и агитации ЦК (в составе десяти человек) с целью выявления, сбора, обобщения материалов о борьбе украинского народа против нацистских оккупантов. С февраля 1944 года «Комиссия» подчинялась Академии Наук УССР. В мае 1950 года, как выполнившая свои задачи, была реорганизована в Военно-исторический отдел Института истории АН Украины.

В составе архивного фонда находятся документы о результатах расследований военных преступлений на оккупированных территориях, стенограммы бесед, воспоминаний граждан о событиях 1941–1943 гг. Тема уничтожения, выживания евреев различных регионов Украины отдельно не выявлена. Воспоминания очевидцев трагедии записывались сотрудниками «Комиссии», которые не всегда знали специфику регионов. К тому же, особенно для западных регионов, существовали и официально неписанные цен-

¹ Круглов А. Энциклопедия Холокоста. — К., 2000; Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — Львов, 1998; Забарко Б. Живыми остались только мы. — К., 1999; Левитас Ф. Євреї України в роки Другої світової війни. — К., 1997.

² ЦГАВО Украины, ф. 4620, Чрезвычайная комиссия по расследованию злодеяний фашистов на оккупированной территории УССР.

³ ЦГАОО Украины, ф. 166, Комиссия по изучению истории Великой Отечественной войны при АН УССР.

⁴ Кахане Д. Щоденник Львівського гетто. Спогади. — К., 2003.

⁵ Наконечний Є. «ШОА» у Львові. — Львів, 2004.

зурные ограничения, касающиеся отступления Красной армии в 1941 г., расстрелов заключенных мирных граждан в тюрьмах в июне 1941 г., деятельности польского и украинского националистического подполья. Для русскоязычных сотрудников коммуникационным барьером, влиявшим на качество записи, был и польско-украинский диалект. Факты, фамилии, географические названия не всегда уточнялись, библиографические справки респондентов-свидетелей, как правило, отсутствуют. Фактологическая ценность таких свидетельств не вызывает сомнений. Однако для изучения Холокоста необходима научная публикация, что требует критического анализа содержания, формы изложения на основе контекста документов других фондообразователей, привлечение устной истории, новейших научных исследований.

Контекст воспоминаний и документы Центрального государственного исторического архива Украины во Львове позволяют установить следующее.

Эдмунд Баумвальд родился 15 сентября 1901 г. во Львове в семье Баруха и Стеллы Баумвальдов на ул. 3 Мая (ныне Сичовых Стрильцив). Отец — известный математик, профессор Львовской политехники. Эдмунд учился в Политехнике на химическом факультете. Львовянка Ванда Виковская, которая в 1935–1938 гг. также была студенткой этого факультета, убеждена, что это ее сокурсник, которого с большим скандалом исключили в 1938 г. за организованный протест против акции польских студентов эндеков (членов национально-демократической партии), которые требовали очищения — «оджидовения» — политехники от евреев)⁶. После окончания до 17 сентября 1939 г. Эдмунд работал лаборантом кондитерской фабрики «Бранка». При советской власти (1939–1941) — заведующим базой горпроторга г. Львова.

Сохранившаяся учетная карточка периода существования гетто свидетельствует, что Баумвальд Эдмунд в 1942 г. жил на ул. Кресовой (ныне Химической), имел специальность столяра⁷. После войны, согласно воспоминаниям В. Виковской, тяжело переживал гибель семьи, стремился уехать в Израиль. В 1947 г., уже после организованного перемещения из Восточной Галиции основной массы евреев и поляков, уехал в Польшу. Стенограмма записи воспоминаний 22 января 1946 г. публикуется без изменений. В примечаниях на основании справочных изданий, контекста архивных документов, воспоминаний уточнены факты, события, а также написания некоторых топонимов и фамилий.

Публикуемый документ был обнаружен в процессе работы по совместному проекту «Бабий Яр: человек, власть, история». В связи с этим считаем своим долгом выразить признательность за содействие в работе председателю Государственного комитета архивов Украины Г. Боряку, директору Центрального государственного архива общественных объединений Украины В. Лоцицкому, заведующей читальным залом архива Л. Батрак и сотруднице архива В. Сергиенко.

⁶ Воспоминания В. Виковской. Записаны Ж. Ковбой во Львове в октябре 1999 г.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 701, оп. 5, д. 8, л. 48.

СТЕНОГРАММА

Записи воспоминаний
БАУМВАЛЬДА
ЭДМОНДА БОРИСОВИЧА

О событиях на Украине периода
немецкой оккупации.
22-го января 1946 года

Беседу проводила научный сотрудник Комиссии по истории Отечественной войны на Украине — ЗОЛОТАРЕВА Т. С. (подпись)

Стенографистка — ПЕЙСАХЗОН Е. Я.

Родился в 1901 году. Образование незаконченное высшее. По специальности химик. По национальности еврей. Беспартийный. Уроженец города Львова.

До войны работал в Львове в Горпромторге зав. базой. На этой работе меня застала война.

В конце июня немцы наступали на Львов, а 1-го июля они вступили в город. Они вошли маршевым ходом.

Мы имели сведения, что они грабят, убивают и т.д. Мы спрятались в подвалы, но это не помогло. Они с первого вечера окружали кварталы, выбрасывали людей из домов, забирали ценности, матрацы, одеяла. Уже на следующий день начался разбой. Людей вызывали на улицу, забирали на автомашины под видом увоза на работы. Это делалось со всем населением города, независимо от национальности. Хватали на улицах, в домах, вывозили за город в восточном направлении на пески [так в тексте]¹. В первую очередь брали интеллигенцию. Спрашивали: «Ваше образование?». Достаточно было услышать «высшее», как человека забирали.

В те дни организованной полиции не было. Эти операции производились воинскими частями (вермахт). Двумя днями позднее в город пришла бригада СС и она уже организовала массовый захват людей, так что через два-три дня на Песках уже было несколько тысяч человек. Там уже производились массовые убийства. Об этом знали все жители Львова.

В эти дни начали по спискам вылавливать профессоров Университета, высококвалифицированных учителей, врачей и других. Им было сказано, что их берут, как заложников, но их тоже вывозили на Пески и убивали.

В эти дни вывезли зубного врача профессора Чишинского, профессора Островского, профессора Новицкого, Серацкого, писателя Бойжалинского², Лаушанг де Берье, хирурга доктора Руфф, Маргулиса, доктора Вольнера, профессора Ренского и т.д.³.

Потом в город приехали гестапо, СС, СД, шупо и началась систематическая работа по всему городу. Забирали детей, стариков, больных, собирали массово, а в других местах поодиночке, вылавливали и вывозили на Пески⁴.

Они организовали день Петлюры. Он был знаменателен тем, что интеллигенцию, особенно евреев, собирали по всем подвалам в полицию под видом, что берут на работу, вывозили автомашинами на ул. Песчинску⁵ [так в тексте], там был дом гестапо. Там собрали несколько тысяч человек, мучили их днем и вечером, пытали. Тех, кто не имел рабочей квалификации — столыра, сапожники и т.д., вели на цитадель и там расстреливали.

Несколько сот человек, имевших квалификацию, выпустили.

Затем организовали гестапо. Евреи получили приказ надеть белую повязку⁶ с шестиугольной звездой под страхом смерти, если этого не сделают [так в тексте]. Эта повязка давала право каждому жителю уничижать евреев. Люди, которые имели повязку, были объявлены вне закона. С точки зрения гитлеровцев было героизмом, если кто-нибудь убивал еврея. С этого времени начали выбрасывать евреев из других районов города в два района — Железнодорожный и Шевченковский⁷. На евреев была наложена контрибуция в несколько миллионов рублей. Срок уплаты был два-три дня. Город был разделен на арийскую сторону и неарийскую. С арийской стороны для уплаты контрибуции пришла тайная помощь. Население других национальностей хотело помочь евреям, ибо контрибуция была такая большая, что было видно, что еврей не в состоянии ее уплатить.

В это же время было объявлено, что евреям нельзя оказывать никакой помощи, нельзя разговаривать с евреем, если человек это делал, он тоже объявлялся противником немецкого народа.

Так кончается 1941 год.

Уже с начала 1942 года организовался лагерь. Вначале это был лагерь только для работы⁸. Каждый должен иметь свою постоянную работу. Немецкие власти заверили, что если человек имеет работу, ему ничего не сделают. К работе привлекались люди от 12 до 60 лет обоих полов.

Немцы снова забирают часть территории, где до того могли жить евреи. Каждый из этой части хотел перевезти свое имущество. Была установлена одна трасса, через которую можно было проходить в ту часть города. Через эту дорогу пропускали

подводу с имуществом. По пути немцы грабили, стариков, детей и всех, кто попадался, они захватывали и отправляли на скотобойню. Там убивали. Перед смертью людей мучили.

В других частях города начались массовые аресты. Не было ни одной национальности, которая была бы в лучшем положении. Поляков и украинцев с улиц Листопада и Энгельса выбросили, объявив, что это будет немецкий район. Давали пять минут. Мебель с собой брать нельзя было. Так они организовали свой немецкий район. Там было написано: «Евреям, полякам и другим вход запрещен». Там организовался эсэсовский квартал с генералом полиции Кацманом во главе.

Эсэсовцы начинают ходить по всем домам. Лучшую мебель они забирали, чтобы обставить квартиру, где они получили. Круглые сутки двери были открыты и шел разбой. Они закрывали вход из улицы с обеих сторон и начинали грабить. Идут по домам, забирают людей. Кто не хотел идти, потому что люди знали, что их ведут на смерть, они расстреливали на месте или бросали гранаты.

В некоторых кварталах были такие провокации. На улице лежит труп немца. На этой улице эсэсовцы заходили в квартиры и всех, кто был, убивали. За полчаса убили всех. Тогда приезжала специальная команда забирала все вещи.

В апреле начались организованные массовые акции против евреев. Целые кварталы были окружены. Те, кто не имел удостоверения о работе, получили белую повязку со звездой и номером. Я имел номер 718. Подавали трамвай с открытыми платформами, туда грузили людей и вывозили в Белз⁹ [так в тексте] близ Львова. Там был создан лагерь, специальная

бойня, где людей убивали газом, электрическим током.

Людам брили голову, чтобы лучше проходил ток. Всех выгоняли из камеры, пускали ток. Следующий эшелон, который приходил, выносил убитых в ямы, потом этих стригли, убивали и т.д. Такая «работа» шла круглые сутки. Даже за границей были плакаты: «Мы уничтожаем евреев лишь безработных, больных и тех, кто не хотят работать. А те, кто хочет работать, приезжайте в Белзец, как там хорошо, там прекрасная столовая». Рекламировали, чтобы евреи, которые хотят жить, ехали в Белзец. Люди с чемоданами, прилично одетые, ехали в Белзец. По дороге на польской территории некоторые узнавали, что там делается, но некоторые попались.

Были евреи, которые имели документы, что они являются гражданами турецкими, швейцарскими, английскими, аргентинскими. Приходили эсэсовцы. Те показывали документы. Эсэсовцы их рвали, евреев избивали и увозили.

Кое кто из арийцев (арийцами немцы называли все другие нации во Львове кроме евреев) пытались оказать помощь, видя, что гибнут люди науки, искусства. Тогда вышел приказ, что, если помощь будут оказывать, будут приняты меры. Начались массовые повешения, массовые расстрелы на площадях, тех, у кого находили еврея. Много людей за это было арестовано и погибло в тюрьме.

В это время уже начал работать еврейский лагерь по ул. Яновского¹⁰ [так в тексте] № 134. Там сделали высокий забор с колючей проволокой с вышкой. Этот лагерь занимал несколько сот га земли. Одна часть была заводская, другую занимало общежитие. Туда сажали всех, не-

зависимо от национальности, кто совершил какое-либо преступление. Если он не снял шапку перед эсэсовцем — это преступление. Если он шел по улице позже 6 часов вечера — тоже преступление.

Одновременно делается забор под гетто. Часть молодежи начинает убежать в леса. Так как гитлеровцы, эсэсовцы начинают уничтожать людей, которые помогают евреям, помощь становится невозможна. В среду населения они пускают своих разведчиков, шпионов, они узнают, у кого есть оружие. Начинается вторая и третья акции.

Наибольшая акция была в августе 1942 года. Тогда повесили всех евреев на всех ганках. Снова была наложена контрибуция, пятая по счету. Было уничтожено 60 тысяч человек. Школа Собеского являлась переходным пунктом для отправки в Белзец. Эта акция продолжалась 14 дней. Два дня был перерыв, так как люди спрятались в подвалах, под уборными, они перетрясли все, но не могли никого найти.

После этих 14 дней, было объявлено, что теперь остались только рабочие и те, кто остался, они могут жить с тем условием, что они пойдут в гетто. Для гетто была отведена большая площадь, где проживало 100 тысяч человек. Там была организована еврейская полиция, которая должна была поддерживать порядок и выделять определенный контингент людей на работы. С питанием было очень плохо. Начались заболевания. Немцы боялись, чтобы заболевания не распространились по всему городу. Однажды в гетто заехали работники госпиталя и вывезли всех больных и здоровых, везли в сорочках по Яновской улице на еврейское кладбище. Чтобы не было

смирада они делали так: рыли ямы, клали дрова, выкапывали трупы, поливали нефтью и сжигали. Так как кость не стораёт, стояла специальная машина, которая ломала кости. Весь пепел просеивался через сито, золото (зубы, кольца) выбирали, а пепел рассеивали по полю. Но всех сжечь они не могли.

На улицах днем и ночью убивали людей без всяких разговоров, вешали.

Что представляло собой гетто. Место, огороженное высоким забором, огорожено колючей проволокой. Первое гетто занимало 1,5 кв. километров, второе гетто занимало уже полквadratного километра.

В первом гетто было более 100 тысяч человек. Во втором до 300 тысяч¹¹ [так в тексте]. Скученность была большая. Последнее гетто называлось уже концлагерем, а не гетто. На человека приходилось [не] более 50 кв. сантиметров площади.

С утра формировали группы людей, которые шли на работу. Тогда был приказ, что без проводника арийского группа не смеет идти.

Под охраной эсэсовцев и полиции направлялись на работу. Оркестр играл марш, перед выходом стоял эсэсовец и оглядывал всех. Командовал: «Вправо, влево». Кто не понравится — того влево, тех, кого ставили вправо — отсылали на работу, а тех, что влево — уничтожали.

Вот такой характерный случай. Был один еврей слепой после первой империалистической войны, награжденный золотой медалью и другими наградами. Его скрывали арийцы. Он не выдержал, так как оставил жену и детей, и пошел на свою квартиру.

— Где моя семья?

Показывает документы, что он офицер австрийской армии, чтоб ему

сказали, где его семья. Ему сказали так, что поломали все кости. Он про- сился:

— Добейте меня.

Его оставили, пока он сам не умер.

Евреи посылались на тяжелые работы. Не кормили, оплаты не было никакой.

Если в учреждении был более человеческий подход, там давали 100 грамм хлеба и немного супа.

Если он не так быстро работает, его расстреливали.

В мае 1943 года атмосфера стала чрезвычайно тяжелой. По всем площадям вешали, расстреливали. После поражения под Сталинградом они начали отступать и в тылу начали применять еще более страшные меры. Вешали за то, что человек не вышел на работу, не хотел ехать в Германию. Вешали за помощь евреям, за укрытые еврея, за то, что убежал с работы.

В мае еврейского населения насчитывалось 30 тысяч из 200 тысяч, какие были к началу войны. В мае вышло запрещение по учреждению принимать на работу евреев. Тогда я попал в лагерь.

24-го мая меня привезли в лагерь на площадь смерти. Мой ребенок и жена скрывались. Что с ними стало — не знаю. Погибли мать, четыре брата и три сестры. Тогда были репрессии в Стрию, Дрогобыче, всех привезли в Львовский лагерь. До сих пор они вывозили людей через еврейское кладбище на Пески, а теперь сделали дорогу из лагеря на Пески.

На площади смерти нас было 10 тысяч человек, из них 200 человек выстроили на работу, остальных вывели по пять человек. Перед ними стоял кордон эсэсовцев с резиновыми палками. Людей прогоняли че-

рез этот кордон, а каждый эсэсовец должен был бить по голове. Каждый ждал смерти. Когда люди подходили к определенному месту по 5 человек, стреляли из пулемета и убитые и живые падали в яму.

Я сказал, что я столяр. Им нужен был столяр, и меня взяли на работу в лагерь. Я работал внутри лагеря столяром. Часто работал в заводской части лагеря, иногда возили на работу в город. Я работал на постройке бараков.

10-го июля была снова чистка лагеря. Тогда был бег смерти. Кто мог бежать быстро, того оставляли. Кто бежал медленно — того отправляли на смерть. Если эсэсовцу человек не нравился, он подходил, подставлял ему ногу, тот падал. Эсэсовец ехал на лошади, евреев заставляли за ним бежать. Кто не поспевал за ним, те тоже пошли на смерть.

Тогда я во второй раз пошел на площадь смерти. Второй раз ждал смерти. Тогда искали портных. Там был мой знакомый мастер. Они вызывали фамилии. Я побежал, хотя назвали не меня. Начальник производственной части хотел меня застрелить, но мой знакомый сказал, что я хороший портной и меня отпустили, меня оставили в заводской части. Я работал столяром при станке.

Утром или ночью в два часа людей будили, выводили на площадь, ставили четырехугольником. Приходил эсэсовец Гайна, людоед, и кто ему не нравился, он вызывает, и наберет десяток, выведет за уборную и расстреляет. Люди подали в болото, вставали. Так продолжалось до 6 часов. В шесть часов утра выводили на работу. У ворот стоял начальник работ и его помощник. Кто не держался крепко на ногах, здесь снова был забор смерти, шли к это-

му забору. Кто попался в этот забор, ему уже назначена смерть.

Во время обеда давали теплую воду, от которой пахло трупами. Если что-нибудь не в порядке, пулемет работал, и кто попался, тот погиб. Суп нужно было выпить на ходу, бегом. Если на работе сдвинулась гора с песком и попала человеку на ноги, приходит эсэсовец.

— Тебе плохо.

Он его пристреливает. Тому уже хорошо.

За забор вблизи площади смерти приводили всех, кто скрывался, больше всего интеллигенцию. Ставили тоже десятками, хулиганили, били. Стоял эсэсовец и стрелял. В течение получаса образовывалась куча трупов.

В лагере была виселица, на которой вешали. Однажды мы шли. Стоит эсэсовец. Вызывает одного: «Почему ты не снял шапку?».

Потом он сказал, что тот бросился на эсэсовца. За это вывел его на площадь, созвал всех и стал стрелять из автомата. Многие погибли. Того, кто якобы бросился на эсэсовца, вывели и повесили ногами вверх. Он не мог кричать. Он был черный от побоев. Вышел эсэсовец, расстегнул сюртук, засучил рукава, разрезал его надвое, отрезал ему руки, резал, а тот был еще жив.

Такие зверства производили эсэсовцы и в других местах, только тут резали, там вешали, там стреляли из автоматов. В этом гетто с первых дней июля уничтожали евреев, поджигали, пускали воду в подвалы и туда загоняли, детей сбрасывали с пятого этажа. Один бьет ребенка головой об угол, другой говорит: «Нет плохо, бей об тротуар». Один другого превосходил. Зверства были бесконечны. В этом направлении экспериментировали.

Я работал в техническом складе. Идут на работу. Вызывают женщину.

— Подними юбку.

Она подняла.

Начинают стрелять в половые органы.

Потом заставили положить на тачку и возить по лагерю, пока она не умерла.

В лагере стояли многоэтажные койки. Когда лежишь, твоя голова касается головы другого. Лежать можно было только на боку. Сесть нельзя было, только лежать. Ночью в уборную выйти нельзя было. На вышке стояли охранники. Если охранник имел какую-нибудь вину, он мог искупить ее, если убьет 10 человек. Охранник стоял на вышке и искупал свою вину. Сколько вышло в уборную, столько и убивал. В самом бараке оправляться нельзя было. Человек погибал от отравления своими экскрементами.

Каждый день вывозили платформы с трупами. Трупы были навалены. Если сбоку торчала детская рука, нога, платформа закрывалась и рука переламывалась.

Вывозили ежедневно по 15–20 платформ.

15-го августа я бежал из лагеря. На заводской части мы спрятались между досками. Ночью, несмотря на то, что был забор и была охрана, мы убежали на польское кладбище, через польское кладбище на еврейское. Сидели на чердаке, ждали пока прибегают еще. Нас собралось до 80 человек. Там долго нельзя было держаться. Мы пошли по домам. Я пошел к знакомому поляку Юзефку, он не боялся ничего и держал нас 30 человек, он доставал нам пищу. Там мы были до 5-го декабря 1943 года. 5-го декабря кто-то сказал, что Юзеф

держит евреев. Приехала целая компания эссовцев и обнаружила все. Часть была внизу, часть была на чердаке, остальные были на кладбище.

Там обнаружили около 15 человек. Трое из них имели оружие, отстреливались и убежали.

Мы ждали до рассвета. Я первый слез вниз и со мной еще трое. Остальные боялись. Через день и они вылезли. Тогда мы пошли в лес.

Юзеф был повешен.

Мы решили зайти в ближайшее местечко. Там приобрели несколько револьверов. Когда все были вооружены, дошли до Бродов. Нас было 12 человек. Несколько раз мы на железной дороге откручивали гайки. Взрывов мы не могли делать, так как у нас не было взрывчатки. За одну пулю мы платили 50 злотых.

Сперва мы пошли на Биберку¹² [так в тексте]. У нас не было карты.

Там мы побыли несколько дней. Нас там хорошо покормили и сказали, что здесь немцы перечищают лес. Мы обратно пошли под Львов. Вышли на Сосы. В Сосах встретили несколько сот вооруженных, почти всех евреев. Но там из-за отсутствия воды, мыла и пищи было много больных. Мы боялись, что заболеем тифом. Мы направились на Броды. Нас было до 30 человек. Помощи не было никакой. Немцы отступали с Тарнополья, и мы снова пошли под Львов. 8 человек пошли на кладбище, а некоторые пошли в русский партизанский отряд. Из 8, что были на кладбище, остались в живых пять.

Денег у меня не было, я собирал отбросы из мусорных ящиков. Я прятался в лесах, несколько дней был учителем в одном доме, а потом опять должен был идти на кладбище и лес.

До последней минуты немцы во Львове делали виселицы, на площа-

дах вешали и расстреливали сотни человек. Евреев во Львове уже не было, но зверства продолжались. Зверствовал Кацман, майор Вехтер. Несколько раз лично приезжал губернатор всей дистрикт [так в тексте] Галиции Франк, лично приезжал Гиммлер.

Начальником лагеря был Вильгауз, затем Рокито и Варцег.

В самом Львове погибло около 400 тысяч человек, а в Белзце около полутора миллиона.

К моменту прихода Красной Армии, я не мог держаться на ногах, ходил на костылях. В таком состоянии меня застала Красная Армия. Бывший директор торгога меня узнал, предложил деньги. Он меня вытя-

нул, потому что я опустился, жизнь для меня не была ценна.

Теперь я выступаю свидетелем на процессе о зверствах немецких фашистов на Украине группы Виккинг.

Домашний адрес: гор. Львов, ул. Никольского № 9, кв. 6.

Автор воспоминаний:

БАУМВАЛЬД (подпись)

Беседу проводила:

ЗОЛОТАРЕВА (подпись)

Стенографистка:

ПЕЙСАХЗОН (подпись)

ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 2, спр. 206, арк. 1–14.
Оригинал. Машинопис.

---

¹ Песчаный карьер в селе Лишиничи вблизи Львова — место массовых расстрелов в 1941–1943 гг. В народе именовался Пески.

² Правильно: Бой-Желенского.

³ В ночь с 3 на 4 июля по заранее подготовленному списку было арестовано 70 профессоров львовских учебных заведений: университета, политехники, мединститута, Академии торговли — поляков и евреев. После непродолжительного допроса их расстреляли в овраге по ул. Вулецкой.

⁴ 2 июля 1941 г. во Львов прибыла айнзацкоманда 5 во главе с штандартенфюрером Эрвином Шульцем. В июле–августе 1941 г. действовали карательные отряды СД, СС Отто Раша, Франца Гейма.

⁵ Правильно: улица Пелчинского.

⁶ До 1 августа 1941 г. реальная власть во Львове находилась в руках военной комендатуры. С 15 июля оккупанты стали официально вводить во Львове антиеврейские законы и распоряжения, которые действовали в польском Генерал-Губернаторстве с конца 1939 г. Первым из них (№ 405 от 23 ноября 1939 г.) всем евреям (в том числе и выкrestам) предписывалось носить опознавательные повязки, которые в городе назывались *опаски* (польск.). 1 августа 1941 г. Львов в составе Восточной Галиции был присоединен к Генерал-Губернаторству (дистрикт «Галиция»). Была создана Гражданская администрация. Ведущую роль в управлении играл начальник СС и полиции Ф. Кацман. Была создана разветвленная сеть звеньев полиции: полиция безопасности (сипо), служба безопасности (СД), полиция порядка (орпо), жандармерия воинских подразделений СС, Украинская вспомогательная полиция порядка. В гетто — еврейском квартале — до июня 1942 г. действовала еврейская полиция порядка.

⁷ Создание еврейского жилого квартала (термин оккупантов) — гетто — специальным распоряжением было назначено на 16 ноября — 14 декабря 1941 г. В район северо-восточной части города на небольшую территорию должны были переселить около 100 тысяч евреев. Переселение растянулось до весны 1942 г. Сопровождалось ограблениями, убийствами.

⁸ Лагеря принудительного труда для евреев были созданы в августе–сентябре 1941 г. в черте города: Сокильньки, за Яновским и Лычаковским кладбищами, на ул. Чвартаков, в августе 1941 г. был создан Яновский лагерь, который с октября 1941 г. становится крупнейшим лагерем смерти в дистрикте «Галиция».

⁹ Правильно: Белзец. Станция Белзец находилась юго-восточнее г. Томашув-Любельски (Польша). Осенью подразделения зондеркоманды 4а основали здесь лагерь массового уничтожения, который функционировал с 1 ноября 1941 по 30 июля 1943 г. За это время было уничтожено 800 тыс. евреев.

¹⁰ Правильно: ул. Яновской.

¹¹ Вероятно, должно быть «30 тысяч». В сентябре 1941 г. по указанию губернатора Ляша была проведена перепись населения. Во Львове зарегистрировано 140 тыс. евреев // ГАЛО, ф. 35, оп. 1, д. 50, л. 1–12.

¹² Биберка — уездный городок Львовщины.

*Вступительная статья и публикация
Жанны Ковбы*